
Анна Варданян

Рассказы

Мезальянс

Павлик Морозович Тупорыло женился на Веронике Умновой по нужде. Павлик плохо помнил чудное мгновенье, но остроносая, воздушная Вероника сверкнула очками и, помахивая нотариально заверенной, завизированной в ЖЭКе и военкомате медицинской справкой о потере девичьей чести в неравной борьбе, вселилась в дом Тупорыло вместе с котом и картонным чемоданом. Вдогонку прикатили перетянутые бельевой веревкой стопки книг, оставив глубокий след на и без того скудном жизненном пространстве Павла. Неуклюжий и особо ничем не обремененный по жизни Павлик почувствовал вдруг острую нужду в Веронике, ее умеренной теплоте, угловатой остроте плеч и нервно искрящихся то ли от избытка ума, то ли от недостатка ласки глазах. С котом Павлик разобрался сухо и по-мужски: сразу уступил ему насиженное место в кресле и ведущую роль на пути к холодильнику, оставив за собой право грязно ругаться и морально подавлять бедное животное. Стопки книг устроились по углам, время от времени заменяя Павлику предметы мебели, в частности — подпорки для пятой точки и подставки для бутылок с водкой. Тут было важно не упустить момент и раскидать все по местам хоть на вздох раньше прихода жены.

Вероника преподавала философию, была умна, а потому интеллектуальным мезальянсом не тяготилась, грубую силу Павлика считала подарком небес, а его неспособность обтесать хоть одну мысль силой разума — издержками профессии и пола, иронично называя скудоумие мужа «милым кличкизмом». Тупорыло языка жены обычно не понимал, хмуро поигрывал бровями, а потом пускал в ход собственный язык и единственный крепкий аргумент. Вероника трепетала и сдавалась. Найдя таки с женой общий язык, несколько опустошенный и уставший от мышечных усилий, Павлик семенил на кухню и задирали крышки от кастрюль и сковородок. «Есть ложь! — гремел на весь дом Павел Тупорыло. — Ворона полосатая!» — добавлял он с неподдельной нежностью. Вероника вздрагивала нутром и плелась на кухню, чтоб наложить полную тарелку харчей во благо тела сталеваара Павла. Со временем Вера научилась примирять свой отягощенный знаниями ум с безыскусной природой мужа.

«Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» — напевала Вероника, едва угадав направление шагов Павлика. «Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная...»

Анна Варданян родилась в 1974 году в Ереване. Была автором и ведущей передач на радио и телевидении, креативным директором на «Радио Джаз Ереван». Пишет небольшие рассказы и переводит на русский язык армянских авторов.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 6.

«Есть ложь!!!» — грохотал Павел с кухни.

«Вот вам приятель — Гость, — думала иной раз Умнова. — Вот вам приятель — ...»
«Лооожь!!!» — пронёсся ударной волной по всей квартире голос Павлика. Так и жили душа в душу сталевар Павел Тупорыло и кандидат философских наук Вероника Умнова.

А потом Павлика выдвинули. Завод, область, край и вся сталеварческая общественность подобрали Павлу партию, быстро возложили на него груз ответственности и большие перспективы. Выписанный из столицы гений пиара и творец имиджа Иван Соломонович Пукер мигом превратил грубого, неотесанного и, чего греха таить, туповатого кандидата от сталеваров в брутального мачо, соль земли и мечту домохозяйки, облачил в костюмчик и приставил к нему референта с блокнотом и грудью. Словарный запас Павла Тупорыло обогатился словами «электорат», «доминанта» и фразой «Ой-ой-ой какие мы нежные!» Уезжая обратно в столицу, чародей и кудесник Пукер похлопал Павлика по плечу, поправил тому галстук и сказал напутственно: «Ты, главное, не особо заговаривайся... ты — молчи! Сделай лицо! Сделай лицо, говорю!!! Так, сделал лицо и молчи. И, главное, помни: сила сталевара — в плавках!»

Впечатлительный Тупорыло нашептал слова Пукера как заклинание, пустил скупую мужскую слезу и пошел покорять вершины и приватизировать перспективы. Дела Павла и партии быстро пошли в гору.

«Сила сталевара — в плавках!» — кричал Павлик с трибуны оратора. «Гы-гы-гыыыыыы», — доносилось гулкое одобрение рабочей общественности. Незамужние женщины от тридцати быстро сбились в группу «Павловы ягодки», собирались по вечерам на территории Дома культуры, плели макраме и лепили фигурки Павлика из полимерной глины.

Ироничная Вероника хранила философское молчание и томно помешивала щи. Кот, почуяв неладное, сбежал из дома и сколотил семью размером с небольшой отряд. В доме запахло референтом. Вероника встрепенулась, когда аккуратные стопочки ее книг под стройный перегуд фотоаппаратов и прессы перекочевали с фронта семейных действий в библиотеку Детского дома № 37. «Ой-ой-ой какие мы нежные!» — бросила в лицо расстроенной Веронике референт с блокнотом и грудью и побежала фотографироваться и строить будущее с брутальным мачо, солью земли и мечтой домохозяйки.

— Мезальянс, Верунчик! — виновато развел руками Павлик, выставляя за порог картонный чемодан.

На этом, пожалуй, можно поставить точку в этой банальной истории, потому что мезальянс как революция — никогда не знаешь, кто окажется сверху!

О сердце

У Семёна Семёныча не было сердца. Вероятно, это случилось с ним не сразу. Акушер и по совместительству главный фельдшер местной тюрьмы перевернул новоиспеченное создание с левого бока на правый, потом — с правого на левый, шлепнул по попе, раздвинул ножки, всмотрелся в пуговку посередине и сказал:

— Главное, шоб жизнь не сложилась в кукиш!

До поры до времени именно так оно и было. Нельзя сказать, что жизнь складывалась в Судьбу, но и беспорядочной кучей фактов биографии она не была. Жизнь Семён Семёныча была проста, прозрачна и хорошо систематизирована: гольфики, шортики, печенье с молоком и лепка из пластилина — в детстве, экзаменационные тесты, волнующий подол, первый костюм — в юности и пубертатный период — строго вовремя. Кстати, впоследствии некоторые специалисты, в частности —

гештальт-уфолог из столицы и эндокринолог районной поликлиники, настаивали на том, что изменения с сердцем Семён Семёныча произошли именно в период активного полового созревания, однако фактических доказательств ни у того, ни у другого не было. Очевидными внешними признаками созревания Семён Семёныча были лишь внезапно опечалившийся взгляд и несмелые усы. Чуть позже, волосы с головы Семён Семёныча массово мигрировали в неизвестном направлении, и к тридцати годам он превратился в заурядного, слегка округлого, лысого бухгалтера. Режим, осаночка, зубы по утрам и вечерам, пятнадцать неглубоких приседаний в день и короткие пробежки вокруг стола в гостиной. Семён Семёныч очень радовал маму.

Размеренная жизнь, тотальная забота матери и любовь к спорту сделали свое дело — у Семён Семёныча было отменное здоровье. В один из промозглых осенних дней наш многоопытный бухгалтер непредумышленно промок, продрог, отчаялся и оттого — слег. Экстренно подоспевший районный терапевт пощупал Семёну Семёнычу лоб, поставил градусник, осмотрел горло, посчитал пульс... снова посчитал, приник головой к груди больного, приложил фонендоскоп к сердцу, к спине и, на всякий случай, к горлу и написал заключение: у больного жар и острый тонзиллит, сердце не прослушивается, вместо сердцебиения — шелест. С этого дня спокойной жизни Семён Семёныча пришел конец. Больного срочно госпитализировали, созвали консилиум, просмотрели вдоль, поперек и насквозь: рентгеновским лучом, лупой и соколиным глазом. Вердикт экспертов был неумолим: у пациента отсутствует сердце. Вместо сердца в груди Семён Семёныча нежно шелестела бабочка. Со всей страны в уездный город Н слетелись медики, ученые, генетики, биологи, знахари и всяческие СМИ. В срочном порядке в город прибыл ведущий лепидоптеролог страны. Долгое и детальное изучение снимков грудной клетки исследуемого особого результата не дало — специалист так и не смог определить вид поселившейся в груди Семён Семёныча бабочки. Было решено провести развернутый эксперимент и попытаться выманить насекомое из пациента. Сначала его на несколько дней посадили в пахучий цветник под гигантским сачком, потом долго поливали приторной цветочной пылью и мазали нектаром, но все безрезультатно. Пробовали даже поиграть на хрустальной свирели яркие веселые мелодии — ведь никто не знал, как именно бабочка относится к музыке. А вдруг ей понравится мелодия, и она вылетит? Но — нет! Бабочка шелестела крыльями, но покидать грудную клетку Семён Семёныча не собиралась. В минуты особо настойчивых и агрессивных опытов бабочка стихала, и тогда дыхание Семён Семёныча было едва различимо. Ведущий лепидоптеролог страны явно приуныл и опустил руки. «Дай Бог, чтоб это была лимонница. Они дольше живут», — сказал напоследок маг энтомологии и уехал восвояси. Через некоторое время в одном из авторитетных изданий появился научный труд о Семён Семёныче, где его недуг был обозначен термином «бабочное сердце». В обычной жизни Семён Семёныч старался избегать этой формулировки — неподготовленные граждане не всегда связывали бабочное сердце с прекрасным представителем отряда чешуекрылых, чаще думали, что оно связано с какой-нибудь бабой или, боже упаси, с ночной бабочкой!

Вскоре интерес к Семён Семёнычу несколько приутих — в соседнем городе появился человек, который разговаривал с огурцами, а по весне зеленел и покрывался пупырышками. Медики, ученые, генетики, биологи, знахари и всяческие СМИ в спешном порядке покинули уездный город Н.

Постепенно жизнь Семён Семёныча вернулась в привычную колею: раннее пробуждение, водные процедуры, стакан кефира для лучшего пищеварения, поездка на работу — три остановки на трамвае и две с половиной минуты пешком, рутинная работа и вечерняя прогулка до дома — к маме и к ужину, мимо парка и городской библиотеки. После ужина и просмотра вечерних новостей Семён Семёныч с особой тщательностью умывался, облачался во все свежее, проверял папочку с документами на предмет целостности и сохранности и только после этого ложился спать. Бабочное

сердце Семён Семёныча могло отказать в любую минуту. Ведь известно, что бабочки долго не живут. Вы знаете бабочку, которая прожила бы больше года?

Однако по прошествии полутора лет после феноменального открытия Семён Семёныч успокоился и несколько расслабился — время шло, а бабочка продолжала тихо шелестеть и шекотать душу крыльями.

Однажды ласковым летним вечером, когда Семён Семёныч шел по обыкновению мимо парка и городской библиотеки домой — к маме и к ужину, с ним случилась стихийная, восторженная влюбленность... Она выпорхнула из дверей библиотеки или сошла с трамвая, или вышла из ворот городского парка... кто знает? Семён Семёныч сразу узнал ее по тому, как чудесно вдруг засверкали лица, как звонко вдруг запели птицы и взметнулись вверх тысячи бабочек где-то внутри. Он посмотрел ей вслед, чтоб убедиться, что затылок и лопатки у нее столь же прекрасны, как прозрачные виски и хрупкие ключицы, — Семён Семёныч умел замечать самое важное! Но прежде чем глаза догнали ее, сердце Семёна Семёныча подступило к горлу — бабочка вылетела и растворилась где-то между солнечными лучами и вечерним небом.

Семён Семёныч пришел домой, лег на диван и закрыл глаза.

Писатель

Я — писатель. Правда, сейчас любой проходимец называет себя писателем. Развелось, как аллергиков по весне. Что касается меня, то я — писатель. Я пишу каждое утро, с 08:00 до 10:00 и час после обеда. Я с детства мечтал стать писателем. Когда мое стихотворение «Чапаев и Курдистан» напечатали в газете «Клятва скаута», весь класс переживал зависть и уныние, а бабушка повлажнела лицом и напекла мне сдобных булочек с изюмом и цукатами. Я был уверен, что стану писателем. В семнадцать лет я написал драму в трех актах «Авось?», и ее поставили в драмкружке при самостоятельном театре консервного завода. Успех был оглушительный! А после того, как два моих рассказа — «Смерть ублюдка» и «Хормейстер нападает» — напечатали в журнале «Знамя и вымпел», я окончательно стал писателем. Сейчас я пишу роман. Это будет грандиозно! Выпью кофе и сяду писать. Кофе я варю особенный: две чайные ложки свежемолотого кофе, обжаренного до золотистого блеска, щепотка кардамона, корица на кончике ножа и разве что намек на сахар, буквально — чуточку. Заливаю все талой водой и томлю на медленном огне до появления кучерявой пенки. Резко снимаю с огня, даю подумать секунду и снова ставлю на плиту. Повторяю два раза и заливаю ароматный напиток в стеклянный стакан с удобной ручкой. У хорошего кофейного стакана непременно должна быть удобная ручка, иначе палец может застрять... или что-то другое приключится и испортит все удовольствие. А я ведь писатель, мне важны нюансы.

Роман: *Занималась багряная заря. На пылающем горизонте появились силуэты всадников. Их было трое: мужчина, женщина и существо, с ног до головы укутанное в черное покрывало.*

— *Стойте!* — сказал мужчина, резко остановившись. — *Дальше поедут лишь двое!*

«Багряная заря»... Хорошо, хорошо! Сочно, ярко! И эта интрига: «Дальше поедут лишь двое!» Завязка должна быть сильной, это вам любой писатель скажет. А я — писатель. Потому что я всю жизнь пишу. А та мерзкая сволочь, которая давеча обзвала меня бездарем и графоманом — говнюк и ничтожная личность! Критик-недоучка! Словоблуд!!!

Кстати, о блюде... В романе непременно должно быть море страсти и немного блюда. Сказать по правде, главную героиню я решил списать с соседки по лестничной

площадке. Какая женщина! Фемина! Русалка! Поголовье ее поклонников уже не сосчитать, счет идет на центнеры. Центнер тут, центнер там. Откровенно говоря, полюбоваться на ее корму ходит вся городская богема. Но мне-то что? Я в чужую жизнь не лезу. Я не сплетник, я — писатель. Продолжу, пожалуй... Вот только заготовку на обед заложу и сяду за роман. К обеду, думаю, замариновать куриную грудку в масле с травами и приправами. За несколько минут до готовки добавлю немного апельсиновой цедры для аромата. Быстро обжарю до румяной корочки, потом положу в огнеупорную форму, залью чуть-чуть сливками и доведу до ума в жарочном шкафу. К курице подам молодой картофель с укропом и зеленый салат: крупно нарежу свежий шпинат, добавлю зеленого лука, кинзы и разной зелени, залью постным маслом, накрошу туда козьего сыра, посыплю черным перцем, а в конце — добавлю горсточку обжаренных на сухой сковородке тыквенных семечек. Я ведь писатель, для меня любая мелочь важна!

Роман: *Женщина резко спешила и упала на колени.*

— *Ты не можешь так поступить! Умоляю, пощади!* — кричала женщина заламывая руки. — *Возьми мои украшения, обрежь мне голову ржавым мачете, зови меня тупой коровой, но не тронь существо в покрывале! Ты же знаешь, что ОНО для меня значит!*

— *Встань с колен, тупая корова,* — грустно молвил мужчина, доставая клинок из ножен.

Через секунду он занес руку и всадил меч себе в живот. Алая кровь мгновенно оросила преданного коня.

Так-так... Кровь на первой странице, это беспроегрышный ход! И эта интрига — «Ты же знаешь, что ОНО для меня значит!» Что же там под покрывалом? Надо подумать. Впрочем, сейчас мне некогда. Уже десять часов. Пора на работу. В свободное от писательства время я занимаюсь ремонтом санитарно-технического оборудования при жилищном комитете. Работа вовсе не отвлекает от придумывания сюжетов, да и, честно говоря, ее не так уж и много: то бачок где-то починить, то трубу какую-нибудь заменить. У старушки из третьего дома вечно смеситель барахлит. А я и рад помочь. Я же — писатель, я должен быть внимателен к людям.